

Назаренко Андрей Ефимович и Афанасий Андреевич на Алтай переехали по Столыпинской реформе в 1909 году из Киевской губернии. Здесь, на Алтае наши получили материальную помощь (подъемные), надел земли. В семье Назаренко все работающие, хваткие, все в руках спорится. Построили просторный дом, каждый обзавелся хозяйством, нельзя сказать, что богатеи, но на жизнь большой семье хватало с лихвой.

У Афанасия и здесь народились дети: семь сыновей и дочь единственная. Но беда не за горами Первую мировую войну (Афанасий Андреевич участник) сменила революция, а там и чехарда началась то гражданская война, то продразверстка, то продналог, а в 1931-м, семью Афанасия Андреевича, «обобрав до нитки», сослали на Васюганские болота. Самостоятельно живущие сыновья: Кузьма, Филипп и Григорий бежали с Алтая. Глава семьи был арестован и отправлен в тюрьму в г. Златополь. Мать с пятью ребятишками попала в ссылку. Долго тянули баржи по Иртышу, Оби и, наконец, по Васюгану. Сколько умерло в дороге трудно сказать. Сначала оплакивали умерших, а потом, молча, провожали взглядом до последнего пристанища тех, кого хоронили или просто выгружали на берег. Только дойдя до устья Нюрольки, начали выгружать людей на необжитых местах, где образовались поселки: Волчиха, Славгородка, Оторвановка». На Волчихе в числе примерно трех тысяч человек оказалась семья Назаренко. Здесь и началась «новая жизнь», самое страшное – это голод, от которого мутился разум. Первый от голода умер Володя, он был самый здоровый в семье, мать, понимая, что теряет сына, ничего не могла сделать, питались болтанкой из муки с травой, потом умерла дочь Анна. Хлебный паек давали только тем, кто работал...

Осенью из тюрьмы вернулся дед Афанасий, он привел лошадь и мешок зерна, теперь жить стало легче. К зиме бабушка с сыновьями строила землянку. Много умерло в первый год, около 70%: от голода, болезней, тонули в реке, задирали медведь в лесу, шли в тайгу за пропитанием и гибли. Степным людям трудно было выжить в глухой тайге. Многие жили в балаганах до глубокой осени, кое-кто и до Нового года, а это - верная смерть. Болтанка, в которую добавляли опилки, гнилушки, траву - крапиву да лебеду, да хлеб из тех же ингредиентов только живот пучил. Больше всего страдали дизентерией. И здесь хоронить всех по русскому обряду не успевали, да и сил не было.

Комендатура находилась в спецпоселке Рабочий, куда все ходили отмечаться.

Под постоянным контролем сотрудников комендатуры, вгрызаясь в тайгу, начали раскорчевку тайги и разработку полей, место для поселка. Нужно было здесь организовать колхозное хозяйство, из орудий труда: топор, лопата, пила двуручная или лучок, ваги да веревки и непосильный план. Уже в 1934 году председателем колхоза «Рассвет» стал в Денисенко Иван Ефимович, который там, в Славгороде имел крепкое хозяйство, свою мельницу.

Сеяли в колхозе рожь, пшеницу, горох, лен, держали лошадей, дойных коров и мелкий скот. Без работы и дети малые не сидели, только успевай, разворачивайся. А кроме того нужно было строить не только себе дома, но магазин, контору, ясли. Но, легче жить спецпереселенцам от этого не становилось. Каторжный труд и все новые издевательства местной власти.

Во второй половине тридцатых годов в верховьях Нюрольки стали открывать лесозаготовительные участки: Чарымово, Старая Точка, Центральный, зимой из колхоза отправляли людей на лесоповал. Первым попал на лесоповал Петр Афанасьевич, работал на валке леса. В леспромхозе за работу платили небольшие деньги, в то время как в колхозе «палочки» трудодни. Вскоре и мой отец тоже оказался в поселке Центральный. В поселке построили бараки семейные.

Контору, клуб, школу, ясли, кинопередвижкой привозили в клуб фильмы. К сороковым годам стала налаживаться жизнь, но наступил 1941 год...

В числе 22 –х новобранцев, пополнивших ряды славной Сибирской дивизии, ушел и мой отец – Николай Афанасьевич. Сибиряки сдерживали наступление под Москвой, в том направлении воевал отец. Сибиряки особо славились своим мужеством, выносливостью, твердостью характера и только им свойственной удалью. Видимо на удалого Николая, командир роты и обратил внимание и взял к себе связным. Новобранцы - сибиряки заменили одну из погибших рот в обороне под Москвой. Может быть поэтому, командир каждую ночь ходил с проверкой на передовую, проверял оружие, жалел солдатиков молодых. Там и был первый раз ранен.

Уже позднее, в госпитале узнал от замполитрука, что рота вся полегла в бою, погиб и командир.

Бои уже шли в направлении Орла, после ранения Николай Афанасьевич попал в запасной полк. Набирали разведчиков. Дивизионная разведка находилась недалеко, охраняла и штаб дивизии и доставляла «языков».

... После госпиталя не всегда попадали обратно в свою часть. Отец попал в пулеметную роту. При наступлении под Смоленском бои шли ожесточенные, дважды наступали и отступали. Потом опять ранение и два месяца госпиталя.

Уже имея два Ордена Отечественной войны, его однажды вызвали в Особый отдел, как бывшего репрессированного, его это встревожило, но все обошлось. Там ему предложили пойти в военное училище. Шел 1944 год. Предвидя успешный исход войны, командование перевели их на двухгодичное обучение. Остались по желанию. После выпуска направили в Красноярский военный округ, в кадровую роту, которая обучала новобранцев.

Но кадровым офицером отец не стал по стечению обстоятельств: гвардии младший лейтенант уволился в запас. После войны познакомился со своей будущей женой. Моя мама - Анфиса Ивановна, окончив курсы медсестер, молоденькой девушкой ушла на фронт. В Прикавказском округе служила в прифронтовом военном госпитале медсестрой. Уже с молодой женой вернулся в Мыльджино. Вместе они прожили счастливую жизнь...

Старший брат моего отца – Петр Афанасьевич был одним из лучших вальщиков в Каргасокском леспромхозе, сорок лет проработал в Нюрольском лесозаготовительном пункте. Его имя гремело по всей области, о его трудовых подвигах писали в газетах. На фронт его не брали, такие работники нужны были в тылу.

Иван Афанасьевич - ветеран двух войн: Финской и Отечественной.

Григорий Афанасьевич оказался в Канаде, там и «корни» пустил.

Филипп потерялся, долгие годы в семье о нем ничего не знали. Совершенно случайно, на почте в Алма – Ата его встретил дядя Ваня, где-то в шестидесятых годах. До самой старости он боялся власти и жил всю жизнь, оглядываясь в прошлое.